

Глава 3

Нужно было еще изловчиться и вычислить, где именно махнуть через границу.

Руководство журнала Runner's World поручило мне отправиться в каньоны Барранкас на поиски тараумара. Но прежде чем начать охотиться за привидениями, мне надо было найти охотника. Как мне сказали, единственным подходящим кандидатом для этого был Сальвадор Ольгин.

Днем тридцатитрехлетний Сальвадор служил чиновником в администрации Гуачочи, пограничного городка у самого края Медных каньонов. А по ночам он превращался в певца марьячи — группы музыкантов, выступавшей в баре.

Он и вид имел соответствующий: черноглазый, с большим животом, с розой в зубах! Все точно: жизнь свою он делил между конторским стулом и барным табуретом. Однако брат Сальвадора представлял собой Индиану Джонса мексиканской школьной системы; каждый год он грузил на ослика карандаши и сборники упражнений и продирался сквозь лесную чащу в Барранкас, чтобы пополнить запасы школ, разбросанных на дне каньонов. А поскольку Сальвадор был готов почти на все, он время от времени линиял с работы и сопровождал брата в таких экспедициях.

— Никаких проблем, приятель! — заверил он меня, как только я его разыскал. — Мы можем сходить навестить Арнульфо Кимаре...

Вот если бы на этих словах он остановился, я пришел бы в телячий восторг! Занимаясь поисками проводника, я узнал, что Арнульфо Кимаре — величайший из ныне живущих бегун племени тараумара, принадлежащий к клану почти таких же сверходаренных двоюродных братьев, родни со стороны жены и племянников. Перспектива отправиться к укрытым от посторонних взглядов лачугам династии

Кимаре превзошла мои ожидания. Единственная проблема заключалась в том, что Сальвадор продолжал говорить...

— ...Я почти уверен, что знаю дорогу! По правде говоря, я никогда там не был. Да ладно, уж как-нибудь. Найдем мы это место! Рано или поздно...

В обычной ситуации это меня бы смутило, однако в отличие от всех, с кем мне приходилось общаться, Сальвадор заряжал безудержным оптимизмом. С тех пор как четыреста лет назад тараумара искали спасения на ничейной земле, немалую часть времени они посвящали доведению до совершенства умения становиться невидимыми. Многие тараумара до сих пор еще живут в пещерах, образованных в стенах отвесных скал, добраться куда можно лишь с помощью длинных шестов для подъема. Оказавшись в пещере, они втаскивали шесты внутрь и исчезали. Другие обитают в хижинах, замаскированных столь искусно, что даже знаменитый норвежский исследователь Карл Лумхольц* был потрясен, узнав, что прошел мимо целой деревни тараумара и не обнаружил там ни малейшего признака людей или жилищ.

Лумхольц изведаль жизнь настоящего дикаря из лесной глуши, проведя много лет на Борнео среди охотников за скальпами — до того как в конце 1890-х годов отправился в страну тараумара. Но, понятно, даже его сила духа ослабла, после того как он проделал долгий путь по пустыням и взобрался на смертельно опасные скалы только для того, чтобы, оказавшись наконец в самом сердце земли тараумара, обнаружить... что там нет ни души.

«Вид этих гор возвышает душу, но путешествие по ним изнуряет мышцы и истощает терпение, — пишет Лумхольц в книге «Неизвестная Мексика». — Никто, кроме тех, кто странствовал по мексиканским горам, не способен понять и оценить все трудности и тревожения подобного путешествия».

И это при условии, что вы для начала хотя бы доберетесь до гор. «Для всякого, кто впервые попадает в край тараумара, он оказывается недоступным, — ворчливо заметил французский драматург Антонен Арто, с большим трудом, пядь за пядью преодолев дорогу в Медные каньоны, куда он отправился в 1930-х годах за знаниями древних шаманов. В лучшем случае вы отыщете несколько едва заметных

* Карл Софус Лумхольц (1851–1922) — норвежский исследователь.

тропинок, которые через определенные интервалы будто исчезают под землей». Когда Арто и его проводники все же находили тропу, им приходилось немало помучиться, прежде чем пройти по ней, подтверждая тем самым принцип, что наилучший способ уйти от преследования — это ходить по таким местам, где за вами сумел бы следовать только лунатик, ибо тараумара прокладывали извилистые тропы исключительно вдоль убийственно крутых обрывов.

«Один неверный шаг, — пишет в своем донесении искатель приключений Фредерик Шватка, принявший участие в экспедиции в Медный каньон в 1888 году, — и путешественник рискует свалиться на дно и превратиться в искалеченный труп».

А ведь Шватка не был изнеженным французским поэтом; он служил лейтенантом в армии США, остался в живых после пограничных войн, а потом жил среди индейцев сиу в качестве антрополога-любителя, так что этот человек повидал на своем веку немало искалеченных трупов. К тому же он путешествовал по худшим из дурных земель своего времени — труднопроходимым местностям причудливого рельефа, почти лишенным растительности, — включая сложнейшую двухгодичную экспедицию к Северному полярному кругу. Но когда он попал в Медные каньоны, ему пришлось пересмотреть свою оценочную таблицу. Обводя взглядом необъятные просторы окружавшей его девственной природы, Шватка ощутил глубокое восхищение: «В самом сердце Анд или на вершинах Гималаев нет более величественных пейзажей, чем дикие цитадели мексиканских Сьерра-Мадрес, но лишь до того момента, как вернулся мыслями на грешную землю: «Как им удастся растить детей на этих скалах и не терять ежегодно их всех, остается для меня самой непостижимой загадкой в отношении этого странного народа».

Даже сейчас, когда интернет, оплетя весь мир, превратил его в одну большую деревню и можно легко проследить за тем, что творится на заднем дворе у кого-то с другого конца страны, не расстающиеся с традициями тараумара такие же призрачные, какими были четыре сотни лет назад. В середине 1990-х годов экспедиционная группа продвигалась в глубь Барранкаса, как вдруг их охватило пугающее ощущение, что за ними следят невидимые глаза.

«Наш небольшой отряд брел много часов, не встречая на пути никаких следов человека, — писал один из членов экспедиции. — И вот

в самом центре каньона мы услышали барабанное эхо. Вначале их простые ритмичные удары были еле слышны, но постепенно набирали силу. Звуки отражались от каменных стен каньона, так что совершенно невозможно было определить ни число барабанов, ни где они. Мы обратились к проводнице с вопросом.

— Кто его знает? — сказала она. — Тараумара нельзя увидеть, пока они сами этого не захотят».

Когда мы отъезжали от дома, загрузившись в надежный с виду полноприводный пикап Сальвадора, высоко в небе светила полная луна, а к восходу солнца, оставив мощеную дорогу далеко позади, мы уже тряслись по грунтовке, напоминавшей русло узкой извилистой речушки. Наш пикап, с трудом и диким скрежетом двигаясь на самой низкой передаче, испытывал бортовую и килевую качку и более походил на грузовое суденышко, вышедшее в море в шторм.

Я все время пытался определить наше местоположение, глядя на компас и карту, но зачастую не мог понять действий Сальвадора: то ли он делает обдуманый поворот, то ли совершает обходной маневр, стараясь объехать упавший валун. Вскоре уже не имело значения, где мы. Все вокруг говорило о том, что мы в неизведанном мире. Мы по-прежнему двигались по извилистому узкому коридору среди деревьев, хотя на карте не было отмечено ничего — один сплошной девственный лес.

Сальвадор указал на окружавшие нас холмы и выразительно pokrutil перед собой указательным пальцем: марихуаны тут пруд пруди...

По причине своей недоступности для полиции в Барранкасе прочно обосновались два конкурирующих между собой картеля наркоторговцев: «Лос-Зетас» и «Нью бладз». Оба картеля были укомплектованы бывшими военнослужащими из армейских частей особого назначения и отличались крайней жестокостью. «Зеты» славились тем, что окунали несговорчивых копов в бочки с горящим дизельным топливом и бросали захваченных конкурентов в клетку с голодным бенгальским тигром — тигр служил и своеобразным талисманом банды. Когда жертвы переставали кричать, их обгоревшие (или изгрызенные) головы осторожно отрезали и собирали, дабы потом использовать в качестве средств маркетинга. Картели обожали метить свои территории таким, к примеру, манером: насадив на колья головы

двух полицейских, они поставили их как-то перед зданием администрации провинции, сопроводив зрелище надписью по-испански: «Наука для неуважительных». Позже, в том же месяце, пять голов выкатили на танцплощадку переполненного ночного клуба. Но целых шесть трупов за неделю было, пожалуй, слишком даже для этих мест, у подножия Барранкаса.

Сальвадора все это не волновало. Продолжая беспечно крутить ба-ранку, он резво трюхал по узкой лесной дороге и, невероятно фальшивя, гортанным голосом распевал что-то о занудной девице Марии. Вдруг песня резко оборвалась. Сальвадор выключил плеер и уставился на красный «додж» с закопченными до черноты стеклами, который неожиданно возник в облаке пыли прямо перед нашим капотом.

Наркокурьеры! Сальвадор, потихоньку взяв вправо, бочком подо-брался к краю обрыва и еще больше отпустил педаль газа, почтительно сбрасывая скорость, уступая большому красному «доджу» каждую пядь дороги, какую он только мог позволить себе освободить.

«Можете не беспокоиться, — пытался сообщить он своими манипу-ляциями. — У нас тут свои дела, без наркоты, и вам незачем останав-ливаться». Поскольку что, собственно, мы бы сказали, если бы они высыпали из машины, требуя, чтобы мы, глядя в дула их штурмовых винтовок, четко и внятно объяснили им, какого черта делаем здесь, в этой дыре, в сердце мексиканского царства марихуаны...

Сказать им правду мы не могли; если бы они поверили, нам бы не жить. Если банды наркоторговцев в Мексике и ненавидели кого-нибудь так же сильно, как копов, так это певцов и репортеров. Не тех «певцов»: на сленге — «осведомителей», «стукачей», — а настоящих, с гитарами, распевающих о любви, эстрадников. Всего за полтора года наркобанды расправились с пятнадцатью такими, включая красавицу Сайду Пенью, двадцативосьмилетнюю солистку группы «Сайда и лоскульпаблес», которую подстрелили после концерта. Она осталась жива, но банда наемных убийц проследовала за ней до боль-ницы и добила, когда она приходила в себя после хирургической опе-рации. Любимец публики Валентин Элисалде убит был очередью, выпущенной из «АК-47» прямо через границу из Макаллена в штате Техас. Серхио Гомеса убили вскоре после его номинации на премию «Грэмми» — ему подожгли гениталии, затем задушили и вышвырну-ли на улицу. Насколько можно судить, певцы пали жертвами своей

славы, красоты и таланта; они невольно наносили удар по чувству собственной значимости наркотузов, поэтому их приговаривали к смерти.

Странная фетва* была непредсказуемой, однако в стоворе против репортеров наркодельцы оказались единодушны.

Статьи со свежими новостями о картелях с руками оторвали американские газеты. Это взбудоражило американских политиков, они нажали на Управление по борьбе с наркотиками, требуя принять решительные меры. Взбешенные «зеты» забросали ручными гранатами редакции новостей и даже послали киллеров, которые должны были перейти границу Соединенных Штатов и выследить журналистов, сующих нос не в свои дела. После того как за шесть лет было убито тридцать репортеров, редактор газеты в Вильяэрмосе обнаружил под дверью своего кабинета отрезанную голову какой-то шестерки из цепи распространителей наркотиков с запиской: «Ты — следующий». Жатва смерти стала столь велика, что Мексика в конце концов вышла на второе место в мире по числу убитых или похищенных корреспондентов, уступая только Ираку.

И вот теперь мы избавили картели от массы хлопот: певец и журналист вперлись прямиком в их владения и сами идут к ним в руки. Я засунул свой блокнот как можно глубже в штаны и обшарил взглядом сиденье, проверяя, не спрятать ли что-то еще. Хотя это было бессмысленно: повсюду валялись пленки с записями группы Сальвадора, у меня в бумажнике лежал пропуск представителя прессы, а между ступнями притулился рюкзак с магнитофонами, ручками и кинокамерой.

Красный «додж» ехал рядом. Был чудный солнечный день; дул прохладный, пропитанный ароматом хвои ветерок, однако все окна грузовичка были глухо задраены, скрывая таинственный экипаж, неразличимый за черными стеклами. Пикап снизил скорость и тащился бок о бок с нами, трясясь и урча.

«Только продолжайте движение, — как заведенный бубнил я про себя. — Не останавливайтесь, не останавливайтесь, не останавливайтесь, нет, нет...»

* Решение муфтия о соответствии того или иного действия, явления Корану и шариату.

Грузовик остановился. Я до предела скосил глаза влево и увидел, что Сальвадор, вцепившись в руль, смотрит прямо перед собой. Не шевельнув ни единым мускулом, я перевел взгляд на дорогу.

Мы сидели. Они сидели. Мы молчали. Они молчали.

Шесть убийств за неделю, подумал я. А кому-то там подожгли яйца. Я уже видел, как моя голова катится между лихорадочно отплясывающими шпильками на полу танцзала в городе Чиуауа...

Неожиданный рев взорвал тишину. Большой красный «додж», громко хрюкая и плюясь, возвращался к жизни — рванув с места, он с грозным рычанием пронесся мимо.

Сальвадор, глядя в боковое зеркало заднего вида, напряженно следил за автомобилем-убийцей, пока тот, лихо газанув напоследок, не исчез в клубах пыли. Шлепнув ладонями по баранке, он снова врубил плеер, который тут же заорал это их вечное ай-яй-яааай...

— Отлично! Вперед, навстречу новым приключениям! — воскликнул Сальвадор.

Разные части моего тела, от напряжения затвердевшие так, что ими можно было колоть орехи, постепенно начали расслабляться... но ненадолго.

Через несколько часов Сальвадор нажал на тормоза, дал задний ход, съехал с твердой дороги на изрытую колесами грунтовку и принялся петлять между деревьями. Мы углублялись все дальше в лес, с хрустом раздавливая сосновые иголки и подпрыгивая на ямах с такой силой, что я время от времени стучался головой о защитный брус в крыше автомобиля.

По мере того как в лесу становилось темнее, Сальвадор все больше сникал. Он даже выключил музыку, впервые после нашей встречи с автомобилем-убийцей. Я, грешным делом, подумал, что он в тишине и одиночестве прикладывает к бутылке, и приготовился разрешить ситуацию, но когда я наконец сунулся со своим вопросом нарушить затянувшееся молчание, он лишь угрюмо огрызнулся. И тут до меня дошло: мы заблудились, а Сальвадор не хочет в этом признаться. Присмотревшись к нему повнимательнее, я заметил, что он, сбрасывая скорость, осматривает стволы деревьев, словно в похожей на кинопись коре зашифрована дорожная карта.

Мы влипли. У нас был один шанс из четырех, что все кончится хорошо; остальные три варианта сводились к следующему: мы едем

назад, напрямиком в объятия «сетов», в темноте сверзаемся со скалы, или будем кружить в этой глухомани, пока не кончится наша еда и один из нас не сожрет другого...

И вот на закате мы выбрались из этого кошмара.

Мы выехали из леса и увидели впереди необозримое пустое пространство — трещину в земной поверхности, да такую огромную, что дальняя ее сторона вполне могла находиться в другом часовом поясе. Глубоко внизу она выглядела застывшим взрывом, положившим конец миру, будто разгневанный Бог разрушал планету и в самый разгар действия передумал и остановил Апокалипсис. Я не отрываясь смотрел в пространство, беспорядочно рассеченное на извивающиеся ущелья.

Я подошел к краю пропасти... сердце у меня колотилось. Отвесный обрыв уходил почти в никуда. Где-то внизу кружили птицы. Я даже смог разглядеть полноводную реку на дне каньона — она выглядела тоненькой синей веной на руке старика. У меня засосало под ложечкой. Ну и как, черт возьми, мы будем туда спускаться?

— У нас получится! — заверил меня Сальвадор. — Рарамури всегда так делают.

Я приуныл. Но Сальвадор подарил мне проблеск надежды.

— Эй, а здесь-то спуск лучше! — произнес он. — Слишком круто для наркокурьеров, чтобы с этим возиться...

То ли он действительно в это верил, то ли врал, чтобы привести меня в чувство, — в любом случае он наверняка знал лучше.